

ООН через посредство ее структурных звеньев постепенно перерастает в планирующий орган типа бывшего Госплана СССР и всецело займется планово-экономической деятельностью.

Процессы перерождения одновременно охватят и военные структуры. Например, НАТО постепенно перерастет из военной в политическую и экономическую организацию для обеспечения на первых порах общеевропейской системы безопасности, а затем и мировой системы безопасности и, наконец, превратится в промышленно-экономический комплекс по созданию новых технологий стратегического назначения для освоения космоса и дна морей и океанов в интересах всемирного народного хозяйства.

На предприятиях и в научной работе есть такое выражение "иметь задел", опираясь на который можно обеспечить выпуск продукции в последующий период. Политэкономы должны уже сегодня думать о таком "заделе" для изучения производственных отношений всемирного хозяйства как целостного непосредственно общественного планомерно организованного производства. Это было бы своеобразным "забеганием вперед", но таким "забеганием", которое научно отражает не только коренную тенденцию, но уже и формирующуюся систему развития производственных отношений.

¹ Ленин В.И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) //Полн. собр.соч. Т.26. С.73.

² См.: Всемирная история экономической мысли: В 6 т. Т.5 /Гл.ред. В.Н.Черковец. М.: Мысль, 1994. С.221.

A.B. Азов

АКТ СОТВОРЕНИЯ МИРА КАК МОДЕЛЬ САМОСознания художника русской эмиграции "ПЕРВОЙ ВОЛНЫ": ИУДАИЗМ И ХРИСТИАНСТВО В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Азов Андрей Вадимович, доцент кафедры теории и истории культуры педагогического университета, кандидат исторических наук.

Основное задание самосознания человека XX века - выбор себя другим, своей духовной сущности в исходной ситуации богооставленности, неспасенности. Поэтому тема катастрофы, изгнания проходит через художественное творчество как выражение духа, а ее интерпретация в философских терминах заключает в себе один из возможных способов обоснования самосознания. Когда мы говорим о самосознании художника в изгнании, то под-

разумеваем характер связи модели мироотношения с конкретным историко-культурным явлением: русской эмиграцией "первой волны".

Предлагаемая вниманию читателя статья представляет собой маленький фрагмент обширного исследования на тему "Проблема моделирования самосознания художника в изгнании" и содержит предельно краткое изложение авторской гипотезы. Говоря о моделировании самосознания художника, я имею в виду умозрительно данную его фигуру как тип универсализации самосознания, получающейся в результате процедуры логического и символического конструирования. Смысл моей гипотезы состоит в избрании теоретической моделью самосознания художника русской эмиграции "первой волны" интерпретацию акта сотворения мира в иудаизме, особенно в Лурианской каббали - иудейском мистическом учении, возникшем после изгнания евреев из Испании в 1492 году, в отвлечении от специфики еврейских культурно-исторических реалий.

Поиск истоков художественного творчества обращает меня к мифу о сотворении мира, а мотивировка изгнания в горизонте духа - к мифу об изгнании как человеческом уделе вследствие ложного выбора, отступления от задачи реализации творения. Действие логики иудаизма (логики начала) в русской эмиграции оказывается заданным, во-первых, творческим актом художника и, во-вторых, изгнанием. Объективации этих двух аспектов, накладываясь друг на друга, усиливают действие логики Торы, что дает мне право поставить вопрос о возможности применения иудейской модели к исследованию самосознания художника русской эмиграции.

Исходная ситуация богооставленности в итоге предопределяет тяготение человека из бездны к Богу, поэтому спектр возможных парадигм сужается до религиозной. Религиозное (теологическое) оправдание культуры как обоснование самосознания человека относительно Бога, со свойственной ему имманентной теологичностью, возможно как с позиций иудаизма, так и христианства. Для окончательного выбора модели исследования требуется сравнение иудаизма и христианства в параллельном контексте.

1. Как известно, христианство является антическим синтезом эллинистической философии с древнееврейской религиозностью. Борьба эллинизма с иудаизмом в христианстве в начале XX века обозначила разложение христианства на составляющие с усилением иудео-христианских мотивов самосознания. Одним из импульсов к этому послужила получившая резонанс в эмиграции полемика В.И.Иванова с М.О.Гершензоном в 1920 г. на страницах вскоре изданной в России и за границей книги "Переписка из двух углов".

Поиск путей духовного обновления пошел по двум альтернативным линиям: "Афины и

"Иерусалим". Позицию защиты "Афин" (греческого начала) занимал В.И.Иванов. Она сводилась к обращенности к прошлому ("золотому веку"), апологии культуры. Позицию "Иерусалима" (еврейского начала) отстаивал М.О.Гершензон. Она может быть суммирована в обращенности к будущему ("Царству Божьему") и исходе (отказе от ценностей культуры) как предпосылке духовного обновления. Как говорил М.О. Гершензон: "Я живу подобно чужеземцу, освоившемуся в чужой стране... но и знаю себя чужим, тайно грущу о полях моей родины... Где моя родина? Я не увижу ее, умру на чужбине".¹ В изгнании эта дискуссия получила продолжение, сохранив свое основное направление, по определению поэта Ю.К.Терапиано: "Афины" как антиномия духа и плоти против "Иерусалима" как единой "духо-плоти" (соединения духа с плотью).²

В условиях всеобщей релятивизации ценностей христианство рассматривалось в ряду других образцов культуры. Г.В.Адамович положил начало спору о судьбе христианства в современном мире, высказав суждение о его уходе и оставлении пустоты в душах. Подчеркнув аспект маргинальности, социальной опасности, "потустороннего риска" христианства, его предназначенности "нищим духом", Адамович обосновал вывод о его исторической исчерпанности и допускал возможность его поражения в мире.³

Мы можем наблюдать в русской диаспоре перманентный выход за рамки христианской парадигмы, интерес к религиозно-философским учениям Востока (индуизму, буддизму, парсизму), гностицизму и Каббале как возможным основам самопостроения "я". Поэт Б.Ю. Поплавский, описывая свой мистический опыт, допускал произвольные поэтические интерпретации сюжетов каббалистического трактата "Зогар". Он изображал картины явления Бога в космогоническом рождении духа при встрече неба и земли, соединения Шхины (Божественного присутствия) с Богом после разлуки как отделения буквы "Йод" от буквы "Хе" в имени Бога. В его воображении рождался зрительный образ Царства (Малхут) как встречи Бога с праотцем Авраамом.⁴

Духовные поиски эмиграции свидетельствуют о том, что авторитет иудаизма возрастал, пусть даже под предлогом возрождения христианства в антихристианских формах.

2. Парадигма художественного творчества, выраженная И.В.Гете в формуле "Умри и воскресни", обнаруживает свой источник в общей для иудаизма и христианства логической схеме мистического опыта рождения "нового человека" в духе через самоутрату, хотя содержание его и различно (в христианстве - подражание Иисусу Христу). В этой схеме для меня совпадают: акт сотворения мира Богом в интерпретации Лурианской каббалы, творческий акт художника, мистический опыт, процесс познания (образцом которого является возвращение Бога к себе как

самосознующего субъекта через человека).

3. В христианстве по причине его "неотмирности" (слова Иисуса "Царство мое не от мира сего...") (Иоан. 18:36) творчество воспринимается как грех. С точки зрения христианского идеала, согласно Апокалипсису, мир подлежит отрицанию и Божественному суду, что является источником противоположности христианского учения и культуры. Поэтому построение системы культуры в рамках христианства проблематично: в католицизме это освящение мира через церковь, в протестантизме - через совесть верующего. Задачу построения системы культуры на началах православия, имея в виду перспективу ее становления как нового типа мировой культуры, сформулировал в начале 1920-х годов перед русской интеллигенцией зарубежья богослов В.В.Зеньковский.⁵

Г.П.Федотов подчеркивал трудность защиты творчества с позиций христианства и близость мотивов труда и созидания Ветхому Завету, а Н.А.Бердяев, анализируя религиозные, моральные, социально-политические и эстетические источники русского обскурантизма, отмечал идеал немоты как святыни и представление о греховности творчества.⁶

В иудаизме же самореализация личности, творчество осознаются как религиозный долг. Цель человека ("тикун") - исполнение бытия "здесь и теперь" и завершение Божественного творения через достижение цели и программы сотворения мира Богом и действия согласно его законам. Отказ от "тикун", т.е. от творчества, признается в Каббале приверженностью "ситра ахара" ("другой стороне", демонизму).

4. Основная проблема творчества, как она предстает в самосознании художника, - это проблема происхождения творческого акта. Логика иудаизма (Торы) есть логика Начала, т.е. постоянного возвращения к исходному онтологическому мироотношению. Главное событие (ось) иудаизма - акт сотворения мира; как сказано: "Вначале создал Бог..." (Брейшит. 1:1), дальше следует непрерывная традиция истолкования онтогенеза.

Логика Торы суть логика обращенной триады: синтез-тезис-антитезис, т.е. движение от общего к частному со снятием первого элемента логической последовательности⁷. В начале творения уже было все, что затем оттуда развернулось. Трансцендентная логика начала возвращающая нас к замыслу творения и непрерывно проходящая через длящееся в слове бытие, актуализирует прошлое в настоящем, наполняет настоящее смыслом и направлена в будущее.

Возвращение к началу, к акту творения, открывает перед русским художником в изгнании религиозный смысл красоты и обращает к кенотическому образу Иисуса Христа. Отсюда рождается в его душе новая ценностная установка и в процессе творчества происходит отнесение к ней. Иудейская диалектика

"корней и ветвей" выявляет генетическую связь исторического с вечным, снимает их противоположность, проясняет соотнесенность земли и народа, почвы и судьбы.

В христианстве известны две концепции: эсхатологическая картина мира с конца и история Иисуса Христа, в противоположность еврейскому осмыслинию мира с начала. Для христианства характерна христоцентричность, ось истории - рождение, жизнь, распятие и воскресение Иисуса Христа. Вся предшествующая история - как бы предыстория, подготавливающая Его явление, как это описано в Библии. Здесь действует логика: тезис-антитезис-синтез.

5. Проблема креационизма не является существенной для Нового Завета. Концепция творения разработана в христианстве в рамках тринитарного процесса как отношение между св. Троицей, точнее, как отношение между лицами св. Троицы, точнее, как отношение Сына к Отцу (жертвенная самоотдача). Каббалистическая диалектика Я, Ты и Он в Боге лишь внешне напоминает христианский догмат триединства Бога и была ложно представлена христианскими богословами как саморазоблачение иудаизма перед лицом христианства.

Двуприродность человека в христианстве, наличие в нем Божественной природы наряду с тварной является источником его внешней творческой позиции. Задача творчества предстает перед художником, по словам Г.П.Федотова, как созерцание распятия и воскресения Иисуса Христа.⁸

В иудаизме, в отличие от христианства, концепция сотворения мира, поскольку она является центральной, разработана значительно подробнее. В Каббале Бог как Эн-Соф (бесконечность или "Не") творит мир через посредство сфиrot (своих творческих сил) и их контаминаций-парцуфим (лицов-персонификаций Творца). При этом развертывание постоянно длящегося творческого акта Бога как диалектика его творящих начал в четырех мирах представлена как непрерывный процесс. Таким образом, в нашем восприятии акт сотворения мира предстает последовательно, без пропусков промежуточных стадий.

Логически иудаизм, как мне кажется, допускает перенесение всей этой диалектики на художника-творца. Ведь человек является изначальным соучастником творения в Боге. Адам ха-Кадмон (предвечный человек) в Каббале - это просообраз еще не материализованного творения, таким образом, весь мир содержитя потенциально внутри него.

В одном из каббалистических толкований "цимцум", начальный творческий импульс Бога, представляется как завеса, создающая иллюзию индивидуального самосознания (его отличия от Бога).⁹

6. Диаспора - это основная историческая форма существования Израиля, представляющая уникальный опыт в мировой истории (другие

народы знали только периоды изгнания), поэтому теория изгнания оказалась разработанной в иудаизме (особенно в Каббале). В книге "Зогар" диаспора представлена как выражение борьбы сил святости ("кдуша") и демонизма, "другой стороны" ("ситра ахара"), а пленение искр Божественного света ("ницецот") во власти скорлуп ("ютипот") - как метафизическая параллель рассеяния Израиля среди других народов.¹⁰

В Лурианской каббале категория "цимцум", самоограничения "Эн-Соф" с целью эманации света в освободившееся пустое пространство как своеобразного изгнания Бога внутрь себя является символом изгнания. В философии XX века, опирающейся на христианскую традицию, мне известен только один пример сходного образа мышления: представление М.Хайдеггера, имеющее своим источником мистический опыт Майстера Экхарта, об искусстве как полагании сущего (бытия) во внутрь разверстости творения, истечении истины сущего в творение.¹¹

В иудаизме изгнание имеет свойства предопределенности и цикличности. Здесь обнаруживается телеология диаспоры: тождественность изгнания и призыва (миссии)¹². Цель диаспоры: собирание и вознесение к Богу рассеянных в мире среди народов искр Божественной эманации. История Израиля знает три способа поведения человека в условиях изгнания: 1. Сионизм: восстановление государственности собственными усилиями; 2. Галут: в ожидании Мессии оставаться евреями в диаспоре (принятие своей судьбы); 3. Ассимиляция.

В русской эмиграции, выражающей " дух изгнания", мы наблюдаем тип "галутного" самосознания. У В.Е.Жаботинского герой его романа "Пятеро", переживший трагедию гибели своей семьи, приходит к выводу о том, что смирение Иова - это доказательство целесообразности сотворения мира и сотрудничества человека с Богом, а бунт - признание случайности и отвержение цели и смысла мироздания.¹³

7. В Лурианской каббале концепции творения и изгнания совпадают: творение представлено как изгнание. Речь идет прежде всего о диалектике трех состояний в процессе сотворения мира. "Цимцум" - это самоограничение Бога как начальный творческий импульс и "удаление присутствия" (самоизгнание в Боге). "Швират ха-келим" ("разбиение сосудов") - это оформление бытия и "отсутствие присутствия" (изгнание из Бога). "Тиккун"- это реинтеграция, исправление мира, восстановление его утраченного единства как завершение замысла творения и возобновление присутствия, совпадающее с концом изгнания¹⁴.

8. Самодвижение творческого акта художника, как оно предстает в его самосознании (возвращение духа к себе из выходов вовне)

есть актуализация ситуации сотворения мира, цикличности Божественного творческого акта - постоянного возобновления удаления и приближения Бога в иудаизме. В каждой своей стадии процесс творения имеет характер двунаправленности. Акт самоограничения (сокретоточения, сокращения) - это повторяющееся усложнение нового акта эманации (излучения, развертывания), наподобие вдоха-и-выдоха Бога. Такова диалектика взаимодействия сфирот "хэсэд" (милосердие) и "дин" (суд) как мер Бога.

Такой же возвратно-поступательный характер имеет путь человека в иудаизме: возобновляющегося удаления от Бога и возвращения к Нему - и путь Израиля в истории обетования земли (страны), утраченной и возвращенной родины¹⁵.

9. Иудаизм, как и христианство, по-своему - религии слова, речи, языка. В христианстве абсолютный смысл как Логос воплощен в Иисусе Христе. В иудаизме Письменная Тора как текст служила для Бога предвечным проектом творения, что находит параллель в проектности современного самосознания. Согласно каббалистической Книге Творения ("Сефер Йецира"), Бог сотворил мир тридцатью двумя сокровенными путями - премудрости, т.е. двадцатью двумя буквами еврейского алфавита и десятью числами (сфирот¹⁶).

В трактате "Зогар" Тора представлена как символическое выражение процесса, происходящего в Боге, поэтому устанавливалось соответствие сфирот (творческих сил Бога) и слов Торы. По учению Ицхака Лурии, смысл "цимцум" как начала творения заключается в том, что "Эйн-Соф" обучает себя собственному имени, а то, чему Он себя обучает, предстает в освобожденном пространстве как буква "Йод"¹⁷. Непрерывным комментарием к Письменной Торе, раскрывающим сокровенный смысл творения, служит Устная Тора.

Итак, сравнение иудаизма и христианства в параллельном контексте убеждает меня, не только в допустимости, но и в предпочтительности избрания моделью исследования самосознания художника в изгнании интерпретации акта сотворения мира в иудаизме. Христианская проблематика получает в эмиграции, с усиливением иудео-христианских мотивов самосознания, иудейскую обрисовку. В условиях катастрофы выходит на поверхность глубинный "иудейский" слой самосознания личности.

Примечания

1. Иванов В.И. и Гершензон М.О. Переписка из двух углов. Пб., 1921 С.61.
2. Терапиано Ю.К. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С.6. 30-31.
3. Адамович Г.В. Комментарии // Числа. Париж, 1933. Кн.7-8. С. 154-159.
4. Поплавский Б.Ю. С точки зрения князя Мышкина // Числа. Париж, 1933. Кн. 9. С 210-211.

5. Зеньковский В.В. Идея православной культуры //Православие и культура: Сборник философских статей. Берлин, 1923 25-46.

6. Федотов Г.П. Святость и творчество Достоевского в "Круге". Беседа 7-я //Новый Град. № 1936. № 11. С.142. Бердяев Н.А. "Мистическая истина есть ложь". Доклад в "Круге". № 6-7 // Там же. С. 140-141.

7. Вайскопф М. О сюжете Пятикнижия // Альманах еврейской культуры. Вып. 2 Иерусалим. 1991. С 262-277.

8. Федотов Г.П. Святость и творчество... Париж. 1936. № 11. С. 142.

9. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. Т. 2. Иерусалим. Библиотека-1989. С. 81.

10. См.: Бубер М. Развитие тайного (о "Зохар") // Избранные произведения. Иерусалим. Библиотека-алия. 1979.

11. Хайдеггер М. Истоки художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, М., 1987. С. 308-309.

12. Вайскопф М. О сюжете Пятикнижия. С.277.

13. Адамович Г.В. Литературные замечания // Последние новости. Париж. 1936. 26 марта

14. Блюм Х. Каббала и литературная критика // Таргум: Еврейское наследие в контексте мировой культуры. Вып. 1. М., 1990. С.60-61.

15. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. Т. 2.. С. 79-82; Бубер М. Два образа веры // Два образа веры.. М., 1995. С. 241-327, 328, 330-331.

16. Книга Творения "Сефер Йецира" // Г. Шолем. Каббала, или наука о Боге, Вселенной и вече. Спб. 1992. Приложение. С.198-205.

17. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. Т.2.. С. 13; Блюм Х. Каббала и литературная критика.. С. 63-64.

Т.С.Злотникова

СИМПТОМЫ КОНЦА ВЕКА /типологический подход к русской культуре конца XIX и конца XX вв/

Злотникова Татьяна Саменовна, доцент кафедры искусствоведения

Исследовательский проект, некоторые положения которого изложены в настоящей статье, имеет две грани реализации. С одной стороны его проблематика составляет одну из важнейших тем размышлений культуры и искусствоведов, философов сегодня - на рубеже не двух веков, но и двух